

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: ФАКТОР РОССИИ

Л.Н. Гарусова

д.и.н., профессор, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток, Россия

Для большинства современных политиков и ученых тезис о том, что будущее мирового сообщества напрямую зависит от перспектив развития Азиатско-Тихоокеанского мегарегиона, стал аксиомой. Стремительный экономический рост АТР в 80-90-е гг. XX века заставил многие ведущие страны мира обратить на него особое внимание. Показатели экономического развития АТР в последние десятилетия превосходили среднемировые. Для многих стран региона на рубеже веков был характерен рост ВВП на уровне 5-6% в год (для Китая – 8-10%), а внешней торговли - 9-11%. На страны АСЕАН и НИС приходится 60% мирового производства и 40% мировой торговли. Семь ведущих государств региона, включая Японию, Южную Корею и Тайвань, владеют 41% мировых банковских активов¹.

США на протяжении всей своей истории позиционируют себя в качестве тихоокеанской державы. Так, нынешний Генеральный консул США во Владивостоке г-н Т.Амбрустер в своих публичных выступлениях неоднократно подчеркивал, что «Соединенные Штаты являются Тихоокеанским государством на протяжении двух столетий» и исполнение ими роли лидера в деле развития интеграции в Азии является для Америки чем-то «естественным». «Это входит в сферу наших национальных интересов, и одновременно, это идет на пользу нашим соседям в Азии. Азия – это не такой уж дальний наш сосед, она была и продолжает оставаться для нас близким партнером»².

Из десяти крупнейших торговых партнеров США пять находятся в Азии, и среди них Китай, Япония и Корея. Торговля США со странами Восточной Азии в настоящее время оценивается более чем в 800 млрд. долл. Поэтому «Соединенные Штаты – торговый партнер номер один для региона и самый крупный или второй по величине партнер каждой из крупнейших экономик Азии»³.

Северо-Восточная Азия (СВА), как важнейшая составная часть АТР и ближайший географический сосед России, является экономически наиболее динамичным, а политически – крайне неоднородным регионом планеты. В 2001-2008 гг. среднегодовые темпы прироста ВВП СВА существенно различались по странам – от 2% в Японии до 11% в Китае. Суммарный восточноазиатский ВВП достигает в настоящее время 75-80% от ВВП США и Европейского союза (ЕС). На три страны Северо-Восточной Азии – Японию, Китай и Республику Корея приходится более 90% региональной экономики⁴.

ВВП лидера региона - КНР - в 2007 г. составил 7 трлн. долл., а темпы его ежегодного роста – 11,4%⁵. Даже при незначительном увеличении темпов роста доля Китая к 2020-2025 гг. будет колебаться в районе 10% мирового ВВП, что позволит ему претендовать на место в тройке мировых лидеров наряду с США и Евросоюзом. По прогнозам Японского центра экономических исследований ВВП Китая может составить в 2020 г.

¹Bishop B. Mergers and Acquisitions, Greenfield Investment and the New Economy // APEC Investment Symposium proceedings. 2002, Vladivostok, p. 3-4.

²Амбрустер Т. Интересы и приоритеты Соединенных Штатов в Восточной Азии в XXI веке // Политика США в Восточной Азии в начале XXI века. Круглый стол №3. 16 апреля 2009, г. Владивосток.

³ Амбрустер Т. Интересы и приоритеты Соединенных Штатов в Восточной Азии в XXI веке // Политика США в Восточной Азии в начале XXI века. Круглый стол №3. 16 апреля 2009, г. Владивосток.

⁴ Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / отв. Ред. и рук. авт. Кол. С.А.Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. – 444 с. С. 310.

⁵The World Almanac and Book of Facts 2009. Readers Digest Trade Publishing. 2009. P. 745.

17,3 трлн. долл., в 2030 – 25,5 трлн. и в 2040 – 33,4 трлн. долл. В 2020 г. экономический потенциал Китая будет в четыре раза выше, чем у Японии. Прогнозируемый ВВП США составит 16,8 трлн. долл. в 2020 г.⁶ Таким образом, высокие темпы роста экономики Китая в долгосрочной перспективе могут быть соизмеримыми или даже превышающими экономический потенциал США.

В настоящее время четверть всего мирового ВВП приходится на Восточную Азию. Азия демонстрирует относительно высокую устойчивость к кризисным явлениям. По многим прогнозам, следующие 20 лет Азия будет выступать основным двигателем роста мировой экономики.

В связи с этим обстоятельством, даже простая географическая принадлежность любой страны к перспективному Азиатско-Тихоокеанскому региону считается её геополитическим и геоэкономическим бонусом. Не только США, но и Россия в этом смысле не являются исключением. Несмотря на очевидные (и исторически традиционные) приоритеты своей «атлантической» и континентальной внешней политики, РФ в настоящее время настойчиво позиционирует себя в качестве тихоокеанской державы. Однако, по словам известного американского политолога и историка Дэвида Вулфа, у современной России в отличие от США, пока мало шансов играть «доминирующую роль» в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поскольку «... на мировом рынке трудно что-то организовать без Штатов»⁷.

Современный мировой экономический рост влечет за собой во все больших масштабах потребность в современных технологиях и энергоресурсах. Проблема энергобезопасности становится все более актуальной для многостороннего и двустороннего взаимодействия в Азии. Эти потребности во многом определяют возможный вклад России в развитие Азиатско-Тихоокеанского региона.

Развитие интеграционных процессов в современной Азии в субрегиональных и общерегиональных форматах находит отражение в растущей активности многосторонних объединений (АТЭС, АСЕАН, ШОС и т.д.), действующих в регионе наряду с двусторонними межгосударственными договоренностями и структурами. В отличие от Европы, Азиатско-Тихоокеанский регион не является гомогенным культурно-историческим и политическим пространством. Различные субрегионы имеют свою специфику, что и объясняет как многообразие форм интеграционных процессов в Азии, так и отсутствие в АТР на данный момент всеохватывающей структуры по типу Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Однако есть все основания ожидать, что в перспективе тенденция к повышению значимости многосторонних отношений в регионе (в том числе и с участием РФ) заметно усилится.

Возрастание роли многосторонних отношений в АТР в XXI веке отмечали многие известные политики и политологи (Ф.Фукуяма, З.Бжезинский, Ф.Рамос и др.). Этот же фактор пытаются учесть в своей практике региональные организации. Так, в 2004 г. на саммите ШОС в Ташкенте была выдвинута инициатива по формированию партнерской сети многосторонних объединений в АТР. В рамках реализации этой инициативы уже созданы механизмы взаимодействия ШОС с АСЕАН и СНГ, разработаны документы о сотрудничестве с ОДКБ и ЭСКАТО ООН. Курс на формирование сети партнерских связей в регионе был подтвержден в выступлениях глав государств – участников ШОС на очередном саммите организации, состоявшемся в октябре 2009 г. в Пекине.

Особенности интеграционных процессов в АТР объективно создают для России весьма благоприятные экономические и политические возможности для регионального сотрудничества. К сожалению, «тихоокеанская составляющая» современной россий-

⁶ Стратегия социально-экономического развития Приморского края на период до 2025 года. Центр стратегических разработок «Северо-Запад». Санкт-Петербург, Спб. 2008. б.с.

⁷ Будущее Дальнего Востока России. Электронный ресурс: <http://www.file-online.ru/3788-budushhee-dalnego-vostoka-rossii.html>

ской внешней политики остается всё еще недостаточно весомой. «Азиатский вектор российской политики пока еще недостаточно развит. Мешают отсутствие политической воли, традиционный европоцентризм отечественного истеблишмента и существующие маршруты сбыта наиболее рентабельных товаров. Российской политике на азиатском направлении недостает активности, государственной поддержки развития экономических связей, включенности в механизм регионального сотрудничества и региональные организации безопасности (за исключением ШОС)»⁸.

Вопреки своим потенциальным возможностям в ресурсно-сырьевой, энергетической, инновационной и иных сферах, Россия обеспечивает себе лишь минимальное присутствие в экономике АТР. Доля российской коммерции в общем объеме внешней торговли региона в последние десятилетия была незаметной - менее 1%. В настоящее время РФ имеет четко выраженную стратегию взаимодействия с Европейским союзом (ЕС), как основным торговым партнером, что подтверждается доминирующей долей ЕС во внешнеторговом обороте России. Более 52% внешнеторгового оборота Российской Федерации в 2005 г. приходилось на ЕС. (Для сравнения - торговля только со странами АТЭС составляет 54-55% от всей американской торговли).

При этом, Азиатско-тихоокеанские торговые партнеры имеют весьма существенное значение для России. В 1990-е гг. общий объем Азиатско-тихоокеанской коммерции России составлял около 18%⁹. В 2004 г. внешнеторговый оборот России со странами АТЭС составил 16.8% от всего товарооборота РФ, а в 2005 г. – 16.2%¹⁰. Крупнейшим и азиатско-тихоокеанским торговым партнером России является Китай. В 2008 г. объем российско-китайской торговли достиг максимального значения и составил 56 млрд. долл. Однако мировой финансово-экономический кризис, как ожидается, снизит к 2010 г. объем торговли между двумя странами мене, чем до 30 млрд. долл.¹¹.

Потенциальные возможности для взаимовыгодного сотрудничества РФ и стран Азии столь велики, что, несмотря на тенденцию к некоторому свертыванию российской торговли в АТР, наметившуюся с конца 1990-х гг., многие исследователи весьма оптимистично оценивают перспективы России в регионе. Так, директор по исследованиям СВОП РФ Т.В.Бордачев прогнозирует, что «в течение следующих 10-15 лет доля в товарообороте только шести основных торговых партнеров РФ в Восточной Азии (КНР, КНДР, Южная Корея, Япония, Тайвань, Гонконг) достигнет 20%. Общая же доля АТР приблизится к трети внешней торговли России»¹².

Реальное торгово-экономическое присутствие в АТР Россия в настоящее время обозначает преимущественно через свой Дальний Восток и Восточную Сибирь. Более 85% экспортно-импортных операций российского Дальнего Востока приходится на страны АТР, из них (на протяжении последних 20 лет) около 80% - на так называемую «северо - тихоокеанскую четверку», т.е. на Японию, КНР, Республику Корея и США.

Недостаточно активное и масштабное присутствие Сибири и Дальнего Востока в современных интеграционных процессах АТР объясняется рядом причин, в том числе и неэффективной «тихоокеанской» политикой российского государства. Развитие Дальнего Востока в досоветский период и в советское время, было напрямую связано с государственной поддержкой. Постановления советского правительства в 1930-1980-е гг.

⁸ Бордачев Т.В. Будущее Азии и политика России // Россия в глобальной политике. №2. Март-апрель 2006.

Электронный ресурс: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5545.html>

⁹ Гарусова Л.Н. Россия и США: тихоокеанское взаимодействие на рубеже веков. – Монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005, с. 57.

¹⁰ Экономика России. Электронный ресурс: http://www.commonswiki.org/wiki/Category:Economy_of_Russia?uselang=ru

¹¹ ТВ программа «Вести» (ТВ канал Россия) 19.10.09.

¹² Бордачев Т. Будущее Азии и политика России // Россия в глобальной политике. №2. Март-апрель 2006. Электронный ресурс: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/19/5545.html>

(своего рода программы развития Дальнего Востока и Забайкалья) стимулировали экономику региона посредством реализации сопутствовавших им инвестиционных проектов.

По расчетам экспертов Центра стратегических разработок «Северо - Запад» (г. Санкт-Петербург), инвестиционные задания программ развития Дальнего Востока и Забайкалья были выполнены следующим образом: Постановление ВЦИК и ЦК ВКП (б) 1930 г. – на 130%; Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1967 г. – на 80%; Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР 1972 г. – на 65%; Государственная целевая программа на 1986-2000 гг. – 30%; Президентская программа на 1996-2005 гг. – 10%¹³.

Тенденция к ослаблению инвестиционной поддержки Дальнего Востока государством стала одной из причин не только трудной социально-экономической ситуации, сложившейся в регионе в 1990-е гг., но и его отставания от возможностей интеграции в АТР. Фактическое свертывание в 1990-е гг. государственных программ развития Дальнего Востока и переход к рыночной экономике произошли в условиях интенсивного экономического роста в Тихоокеанском регионе. В этот период задача социально-экономического выживания российского Дальнего Востока решалась за счет увеличения экспорта его природных ресурсов в страны АТР. Тем самым было определено место Дальневосточного региона (и, соответственно, место России) в азиатско-тихоокеанских интеграционных процессах. Ресурсно-экспортная ориентация новой экономики Дальнего Востока предопределила его двойную периферию – как по отношению к России, так и по отношению к АТР.

В качестве конкурентных преимуществ российского Дальнего Востока, как ресурса интеграции с АТР, можно назвать следующие:

- геополитическое (безопасность) и геоэкономическое (близость к рынкам) положение региона;
- наличие производственных комплексов (ВПК, судоремонт и т.д.);
- наличие добывающих и перерабатывающих комплексов (лесопереработка и рыбобпереработка и т.д.);
- человеческий потенциал (демографический и научно - образовательный).

Природно-ресурсный комплекс российского Дальнего Востока (нефть, уголь, металлы, лес и т.д.) по-прежнему остается важнейшим конкурентным преимуществом России в условиях обострения ресурсной ситуации в мире. По прогнозам Центра стратегических разработок «Северо-Запад», потребление нефти в странах АТР в 2010 г. возрастет до 1,5 млрд. тонн, к 2020 – до 1,97 млрд. тонн. На Китай, Корею, Японию в настоящее время приходится 40% всего импортируемого в мире леса и 20% целлюлозы. Если в 2004 г. общий импорт лесоматериалов в КНР составлял 134 млн. кубометров, то в 2025 г., как ожидается, он составит 300 млн. кубометров. По прогнозу Всемирного института угля (World Coal Institute), потребность в угле за предстоящие 25 лет возрастет на 50%. Среди основных импортеров угля называются ближайшие соседи российского Дальнего Востока - Япония - 1/5 мирового импорта, а также Республика Корея и Тайвань – совокупно еще около 1/5¹⁴.

По мере превращения России в крупнейшего игрока в глобальной энергетике возрастает соответствующий интерес к энергетическому сотрудничеству с Россией со стороны Китая, Японии, Индии, Южной Кореи. Страны АСЕАН также будут стремиться использовать энергетический, а на его основе и политический вес России возможно в качестве противовеса влиянию США, Китая и Японии в ЮВА.

Потребности рыночной экономики в последние десятилетия привели не только к увеличению объемов внешнеэкономической деятельности Дальневосточного региона,

¹³ Стратегия социально-экономического развития Приморского края на период до 2025 года. Центр стратегических разработок «Северо-Запад». Санкт-Петербург, Спб., 2008. б.с.

¹⁴ Там же.

но и к формированию экономики услуг – торговли, туризма и, что особенно важно, транспорта и логистики. Последние два направления весьма значимы для Дальнего Востока ввиду выдвижения Азиатского региона в качестве центра мирового производства и потребления, поскольку это ведет к изменению мировой транспортной системы.

Развитие транспортной системы в СВА и АТР идет в направлении развития портовых мощностей, формирования транспортных узлов, создание нефтепроводов типа судно-берег и емкостей для хранения нефти и нефтепродуктов. Это предполагает рост инвестиций в портовую инфраструктуру стран партнеров азиатских рынков, рост заказов на морские суда (и, соответственно, укрупнение судостроения), железнодорожный, автомобильный и авиационный парки, а также развитие логистики.

Транспортная система российского Дальнего Востока может и должна стать одним из факторов его экономического развития и интегрирования в АТР. Доля транспорта во внутреннем валовом продукте Дальневосточного региона в первом десятилетии XXI века составляла около 20%, при 9% доле в среднем по стране¹⁵. Практически все транспортные пути, особенно трансграничные с Китаем железнодорожные и автомобильные ветки, стали каналами экспортно-импортных операций СВА.

Морские порты Дальнего Востока в настоящее время представляют интерес, прежде всего, как международные перевалочные узлы, из которых грузы могут сушей уходить в Европу. Сухопутный путь из Южной Кореи или Японии в Западную Европу значительно короче и дешевле морского. В 1999 г. пробный поезд с контейнерами, запущенный в рамках международного пилотного проекта «Восток-Запад» (предполагавшего создание непрерывного транспортного коридора от Западного побережья США до Европы), прошел из Восточного порта до Бреста за 8,5 суток, что в четыре раза быстрее, чем морем.

Прогноз развития мировой экономики весьма благоприятен для российского дальневосточного транзита. Основные грузопотоки в ближайшее столетие, как полагают специалисты, будут сосредоточены в треугольнике Европа – Восточная Азия – США. Поскольку в АТР в настоящее время сосредоточено около 60% мирового производства, то Россия могла бы увеличить транзит через свою территорию в 7-8 раз. Очевидно, что будущее транспортной системы российского Дальнего Востока и, особенно Приморского края, лежит в интеграции в мировые направления перевозок: Япония – Европа, Корея – Европа, Китай – США – Корея - Япония. При этом железнодорожная сеть Китая пока вряд ли сможет составить серьезную конкуренцию российской дальневосточной сети в силу своей относительной неразвитости и перегруженности. Сегодня к услугам Японии, Кореи, США и Китая – порты Владивосток, Находка, Восточный, Посьет, Зарубино, имеющие выход на Транссиб. Однако модернизация Китая своей железнодорожной сети, равно как и возможная реализация проекта «Туманган» со строительством глубоководного порта на стыке границ Китая, КНДР и РФ, сразу же резко снизит конкурентные преимущества транспортной сети российского Дальнего Востока и особенно портов Южного Приморья.

В условиях глобального потепления все более актуализируется вопрос о Северном морском пути, как новом международном «транспортном коридоре», позволяющем транспортировать грузы из Европы в Азию и США по сравнительно короткому и безопасному (в смысле пиратства) маршруту. Начало регулярной навигации вдоль северного побережья Сибири и Дальнего Востока откроет новые перспективы (в качестве международных транспортных узлов) для пока еще каботажных портов Чукотки, Камчатки и Магадана.

Диверсификация путей транспортировки российских энергоресурсов региональным потребителям, может сыграть важную роль для России в АТР также и потому, что

¹⁵ Карманов Д. Дороги Дальнего Востока глазами очевидца. Электронный ресурс: <http://www.novopol.ru/print-text184.html>

Китай, Индия и Япония строят свою оборонную политику с учетом возможного перекрытия – в случае какого-либо межгосударственного конфликта – морских коммуникаций, по которым идет поставка энергоресурсов. Речь может идти о сооружении как континентальных трубопроводов, так и «морской» инфраструктуры, ориентированной на экспорт танкерной нефти и сжиженного газа. В целом, интерес к России как транспортному пространству между Европой и Восточной Азией будет зависеть от российской политики в сфере развития транспортной инфраструктуры в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. «Как естественный мост между рынками Европы и Азии, Россия обладает уникальным транспортно-транзитным потенциалом, защита которого от стратегических конкурентов и полноценная реализация являются необходимым условием успешного развития»¹⁶.

К сожалению, накопленный за два последних десятилетия опыт регионального сотрудничества России со странами АТР не дает повода для исключительно оптимистических прогнозов. Уже в своих исследованиях 1990-х гг. отечественные и западные специалисты¹⁷, как правило, прогнозировали два наиболее вероятных варианта (алармистский и умеренно оптимистичный) развития Дальневосточного региона России в контексте его участия в интеграционных процессах АТР. Данные прогнозы не потеряли своей актуальности и сегодня.

Первый, пессимистичный, если не сказать алармистский, прогноз предполагает, что шансы России присоединиться к интеграционным процессам в АТР в качестве полноценного и полноправного участника, весьма незначительны. Малопродуктивная интеграция в АТР регионов Дальнего Востока, ставшая особенно очевидной к началу XXI века, связана с исчерпыванием или ограниченностью ресурсов предыдущего периода. Низкий технологический уровень экономики российского Дальнего Востока, ее несомасштабность рынкам, миграционный отток населения (с 2003 по 2008 гг. население ДВФО уменьшилось на 193, тыс. человек, из них более 102 тыс. приходится именно на миграционную убыль)¹⁸ и другие факторы препятствуют продуктивному включению России в региональные интеграционные процессы.

В соответствии с пессимистическим вариантом прогноза, наша страна так и останется у «обочины» того, что называется Азиатско-Тихоокеанским регионом или же окажется вовлеченной в проблемные ситуации на фоне усиливающихся геополитических интересов ряда стран к ресурсонасыщенным районам и морским запасам Дальнего Востока. Типичным примером одной из «проблемных ситуаций», возникшей вследствие расширения трансграничных связей, является криминализация Дальневосточного региона. По мнению многих отечественных и зарубежных специалистов российский Дальний Восток давно уже превратился в международный «криминальный узел», где «сотрудничество между преступными организациями является более развитым, чем между правительствами»¹⁹. Организованная преступность, нелегальный оборот наркотиков и мигрантов, контрабанда леса и рыбы дополняется высоким уровнем коррупции в регионе. Так, только в 2005 г. в ДВФО было выявлено 1762 преступления «против государственной власти и интересов государственной службы», а также 336 фактов взятничества в особо крупных размерах²⁰.

Существует прямая зависимость между уровнем коррупции и размером сырьевого сектора в экономике страны: чем выше доля сырьевого фактора, тем выше уровень

¹⁶ Бордачев Т.В. Указ соч.

¹⁷ См. подробнее: Гарусова Л.Н. Россия и США: тихоокеанское взаимодействие на рубеже веков. – Монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС. 2005, с. 65-75.

¹⁸ Просвирнов С.Ю. Демографический потенциал дальневосточного региона // Россия и АТР. 2009. № 1. С. 62.

¹⁹ Azizian R., Jaspardo C. Russia and Russian Far East: Transnational Security and Regional Cooperation. Электронный ресурс: http://www.apcss.org.../74.125.43.132/translate_c?hl=ru...

²⁰ Пилилян Е.К. История государственной политики поддержки предпринимательства и ее реализации на юге Дальнего Востока России в конце XX – начале XXI вв. автореф. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2009. С. 16.

коррупции в государстве. Поэтому Россия по уровню коррупции стоит в одном ряду с сырьевыми странами Африки. В России «интегральный экономический потенциал формируется на 72% сырьевым фактором и лишь на 14% - человеческим капиталом»²¹.

Политика местных властей российского Дальнего Востока направлена в том числе и на преодоление транснациональных угроз, являющихся одним из следствий этого же трансграничного взаимодействия. Москва и российский Дальний Восток не одинаково оценивают свои возможности и перспективы в АТР. По мнению дальневосточных и зарубежных экспертов экономическая безопасность на российском Дальнем Востоке в последние десятилетия ухудшилась. Рост экономики России имевший место в докризисный период (до 2008 г.) не нашел своего подтверждения в Дальневосточном регионе на фоне нерешенности большинства социальных проблем.

В соответствии с пессимистическим вариантом прогноза, шансы потерять свой Дальний Восток в экономическом и даже территориальном смысле у России весьма высоки. По мнению академика Н.Добрецова, руководителя Сибирского отделения РАН, «Дальний Восток уже сегодня оторван от России. Только 10% его продукции используется в России. То же самое происходит и с Восточной Сибирью. Если будет развиваться сырьевая ориентация этих регионов, то связи еще более ослабнут. Сырье будет вывозиться в Китай, Японию, Корею, туда же уйдут капиталы. Экономически Сибирь и Дальний Восток постепенно будут отрываться от России. ... Надо четко понимать: без государственного регулирования это станет неизбежным. Если будет использоваться только сырье, если к тому же китайские трудовые ресурсы хлынут в Сибирь и на Дальний Восток, то произойдет фактическое отчленение этих регионов»²².

Данный прогноз, описывающий реальную ситуацию на российском Дальнем Востоке, сосредоточивается преимущественно на ее негативных аспектах. Но, оставаясь только в его формате, Россия будет продолжать неверно трактовать главные угрозы, исходящие из Восточной Азии, как опасность демографической или экономической экспансии восточносибирских и дальневосточных регионов России. При этом из вида упускается то, что основные тенденции развития Восточной Азии выдвигают на первое место угрозы *недополученной выгоды от неучастия* в региональных интеграционных преобразованиях.

Второй, сравнительно оптимистичный вариант прогноза, концентрируется в основном на необходимости государственной поддержки Дальневосточному региону. Он предполагает, что с финансовой и организационной помощью федерального центра (Москвы) российский Дальний Восток и Россия в целом, сумеют влиться в интеграционные процессы АТР в качестве преимущественно ресурсно-сырьевого участника с элементами «интеллектуального экспорта». При этом, известные ученые из федеральных и региональных исследовательских центров (В.Ишаев, П.Минакир, П.Бакланов, М.Титаренко, А.Гранберг, В.Ларин, В.Белкин и др.²³) весьма скептически оценивают перспективы России в АТР в случае непринятия федеральным правительством и местными властями неотложных мер по развитию Дальневосточного региона. Эти меры, в основном, сводятся к принятию новых и/или полноценному финансированию уже имеющихся программ развития Дальнего Востока и Забайкалья; проведению эффективной демографической и миграционной политики, включающей интенсивное заселение пустующих территорий; предоставлению льгот и гарантий отечественным и иностранным инвесторам при общем оздоровлении регионального инвестиционного климата и т.д.

²¹ Там же.

²² Будущее Дальнего Востока России. Электронный ресурс: <http://www.file-online.ru/3788-budushhee-dalnego-vostoka-rossii.html>

²³ Краткие резюме мнений этих авторов см. в обзоре «Будущее Дальнего Востока России». Электронный ресурс: <http://www.file-online.ru/3788-budushhee-dalnego-vostoka-rossii.html>

Для сравнения, современная региональная политика в КНР также включает в себя программу государственной поддержки экономики Северо-Восточного Китая (СВК), т.е. провинций Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь, пограничных с Хабаровским и Приморским краями, а также Амурской областью. В 2003 г. китайское правительство приняло стратегию реконструкции переоснащения современным оборудованием «старых промышленных баз» СВК, построенных в 1950-е гг. при помощи СССР. Согласно промежуточным итогам реализации стратегии, к 2007 г. среднегодовые темпы роста ВВП СВК составляли 12,6%. В 2006 г. объем прямых зарубежных инвестиций в экономику региона достиг 8,46 млрд. долл. при увеличении более, чем на 48% против предыдущего года. В течение 3 лет объем экспортно-импортных операций увеличивался на 10 млрд. долл. в год. На саммите ШОС в 2007 г. обсуждалось стратегическое значение тесной увязки планов по развитию российского Дальневосточного региона и подъему старых промышленных баз в СВК²⁴.

Традиционная ресурсно-сырьевая модель интеграции России в АТР снижает или даже теряет свою конкурентоспособность на фоне структурных изменений мировой экономики и глобальных перемещений производств. Для современной экономики многих азиатских стран стало характерно перемещение крупных металлургических, нефтегазовых и химических комплексов в прибрежные зоны, которые, как правило, являются наиболее развитыми в экономическом отношении и экспортными регионами.

Например, согласно принятой в КНР в 2005 г. программы «Стратегия развития стальной промышленности», крупнейшие металлургические комбинаты страны должны быть сконцентрированы в развитых береговых провинциях. Реализация данной стратегии ограничит рост черной металлургии на севере и северо-западе Китая (из-за недостатка воды, дефицита ЖРС, экологических проблем) и приведет к консолидации и модернизации металлургических активов на его северо-востоке, что вполне совпадает с целями государственной программы поддержки СВК. В 2007 г. около 90% китайского экспорта приходилось на восемь преимущественно приморских регионов страны²⁵.

«Вызовом» для традиционного ресурсно-сырьевого развития российского Дальнего Востока стало утверждение в последние десятилетия XX века инновационных моделей экономики у его азиатских соседей. В начале XXI в. для российских властей также стала очевидной необходимость перехода от сырьевой к инновационной модели развития Дальневосточного региона. Опыт развитых стран АТР показал, что вовлечение в хозяйственный оборот 70% результатов научно-технической деятельности – это результат правительственных инновационных стратегий. В России по состоянию на 2007 г. инвестиции в инновации составляли менее 1% ВВП, их доля в выпуске продукции – 0,3%, тогда как в США этот показатель приближается к 15%²⁶.

Инновационная государственная политика РФ в начале XXI в. нашла свое отражение в двух документах – «Основах политики РФ в области развития науки и техники на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу» и «Основных направлениях политики РФ в области развития инновационной системы до 2010 г.». Реализация государственной инновационной концепции была перенесена в субъекты РФ. Соответственно, в Приморском и Хабаровском краях были приняты законы «Об инновационной деятельности».

Очевидно, что российский Дальний Восток к началу XXI века в инновационном смысле отстал от развитых и даже развивающихся стран АТР на целую технологиче-

²⁴ Евразийский международный научно-аналитический журнал. Проблемы современной экономики. 2007. №4 (12).

²⁵ Стратегия социально-экономического развития Приморского края на период до 2025 года. Центр стратегических разработок «Северо-Запад». Санкт-Петербург, Спб., 2008. 6 с.

²⁶ Пилипян Е.К. История государственной политики поддержки предпринимательства и ее реализации на юге Дальнего Востока России в конце XX – начале XXI вв. автореф. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2009. С.19.

скую эпоху. Об этом свидетельствует ряд признаков, в том числе и количество заявок на изобретения. Например, если в 2004 г. в Центральном федеральном округе таких заявок было 9885, Сибирском – 2316, то в Дальневосточном – всего 572 (в Хабаровском крае – 225, Приморском крае – 148, Амурской области - 93)²⁷.

Несмотря на такое положение дел, правительство России поддержало идею «соразвития» Дальнего Востока России с Азиатско-Тихоокеанским регионом, где уже развернулось освоение шестого промышленного уклада, ядро которого составляют нанотехнологии, генная инженерия, информационно-коммуникационные системы, тонкая химия, компьютерное моделирование и т.д.

Региональная инновационная политика в России включает в себя три задачи, поставленные перед субъектами ДВФО: встроиться в федеральную инновационную систему и инфраструктуру; создать в каждом дальневосточном субъекте РФ недостающие элементы инновационной системы; обеспечить интересы инновационного развития страны в АТР. Решение этих задач должно изменить статус России как поставщика сырья в страны АТР, на разработку которого иностранные инвесторы направляли в первом десятилетии XXI века 90-95% своих инвестиций.

Комплексное освоение ресурсов шельфа мирового океана, новые материалы и нанотехнологии, живые системы, рациональное природопользование и возобновляемые источники энергии (наряду с традиционными ресурсными направлениями) признаны в настоящее время основными приоритетами развития Дальнего Востока в контексте его сотрудничества с АТР. Однако можно предположить, что интерес к России как к партнеру АТР в «экономике знаний», вероятнее всего будет точечным, выборочным и зависеть от российской научно-технической политики и способности возродить отечественную науку.

Государственная концепция «соразвития» Дальнего Востока России с АТР получила продолжение в реализации стратегии «инновационного терминала» - создание инфраструктурного комплекса, «перерабатывающего» инновации в продукты, предназначенные для реализации на высокотехнологичных рынках АТР. «Инновационный терминал» имеет высочайший уровень политической значимости в связи с предстоящим в 2012 г. Форумом АТЭС во Владивостоке. Инспекционная поездка во Владивосток премьер-министра РФ В.Путина с целью контроля строительства объектов саммита АТЭС в октябре 2009 г. подтверждает серьезность намерений России в АТР.

По мере развертывания интеграционных процессов в АТР Россия во все большей степени становится заинтересованной не только в экономическом сотрудничестве, но и в многосторонних механизмах обеспечения безопасности и стабильности в регионе. Трансформация экономики России требует взаимовыгодных отношений с азиатскими соседями. Международные эксперты считают внешние условия развития российского Дальнего Востока в целом благоприятными, за исключением напряженности на Корейском полуострове. Интересы России на Корейском полуострове связаны, прежде всего, с ликвидацией северокорейской ядерной угрозы, а также с предотвращением применения Соединенными Штатами силы в отношении Пхеньяна.

С начала XXI в. внешняя политика РФ официально сориентирована на «многовекторность», что предполагает равную заинтересованность России в отношениях с Западом и Востоком, США и Китаем. При этом, взаимоотношения Москвы и Пекина в первое десятилетие нового века развивались в целом более успешно и продуктивно, чем отношения Москвы и Вашингтона. Об этом свидетельствуют соглашения РФ и КНР по пограничным вопросам, а также расширение двусторонней торговли, крупномасштабное сотрудничество в области энергетики, партнерство в рамках ШОС и т.д. Однако именно Китай воспринимается значительной частью дальневосточной элиты и

²⁷ Пилилян Е.К. Указ. Соч. С. 20.

общества в качестве непосредственной угрозы российскому суверенитету в Тихоокеанском регионе.

Очевидно, что в новом глобальном и региональном контекстах, отношения между тремя странами не должны оставаться преимущественно состязательными. Учитывая сложные отношения между ведущими странами региона – Китаем, Японией, Южной Кореей и США, - Россия не может ориентироваться на одну или две страны, каждая из которых будет склонна рассматривать РФ как противовес другим. Наиболее желательный (но отнюдь не просто достижимый) вариант для России - сделать свои взаимоотношения с КНР и США, равно как с другими странами региона, дополняющими друг друга и обеспечивающими региональную стабильность и безопасность.

По прогнозам экспертов Совета по внешней и оборонной политике РФ (СВОП), «по мере укрепления экономических и политических позиций КНР политический и экономический интерес к России в Восточной Азии будет падать»²⁸. Не исключено, что на фоне успешной интеграции Китая в мировую и региональную экономику и политику, Россия окажется на более далеком расстоянии от Запада, прежде всего от США и Японии, чем Китай.

При принятии внешнеполитических решений следует отказаться от заблуждения, что Китай позиционирует себя как антиамериканская сила. Сегодня Китай сам стремится к Западу (особенно к США и Японии) и находит в этом понимание Вашингтона и Токио. Об этом свидетельствует визит госсекретаря США Х.Клинтон в КНР, сделанный в начале 2009 г., вскоре после вступления в должность новой президентской администрации Барака Обамы. Если Россия останется в плену антиамериканских иллюзий и настроений, то она отстанет от процесса конструктивного взаимодействия с США и Западом в надежде укрепить дружбу с Китаем. Это уменьшит конкурентные преимущества России и ослабит ее политические позиции, в том числе в Восточной Азии. Кроме того, Россия может остаться под влиянием политического соблазна играть на китайско-американских и китайско-японских расхождениях, ища тактическую выгоду, но упуская при этом стратегическую перспективу.

В настоящее время, как и два десятилетия назад, перед Россией стоит проблема выбора между двумя альтернативами:

- продолжать относительно «пассивно-изоляционистскую» линию поведения;
- встать на путь активной интеграции в экономическое и политическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона.

Первый путь не принесет больших потерь в десятилетней перспективе поскольку «интеграционные процессы в Восточной Азии будут развиваться с умеренной скоростью»²⁹. Но он продуцирует стратегические упущения в будущем, поскольку России будет трудно доносить свое понимание региональных перспектив (свои интересы) до усиливших внутрирегиональную сплоченность соседей по Восточной Азии.

Для следования вторым путем интеграции в формирующееся восточноазиатское пространство у России есть определенные возможности, о которых было сказано выше (создание восточноазиатского рынка углеродов на основе российских энергоресурсов, транспортная составляющая трансграничных отношений, участие в экономических и политических форумах АТР и т.д.).

В рамках второй альтернативы необходимо продолжать углублять национальные рыночно-демократические преобразования и широкомасштабное сотрудничество в СВА с США, Японией и Китаем, используя точки совпадения интересов и не отставая от Пекина в отношениях с Вашингтоном и Токио. России важно выстроить постоянно действующие стратегические диалоги с США, Японией и Китаем специально по вос-

²⁸ Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / отв. Ред. и рук. авт. Кол. С.А.Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. С. 330.

²⁹ Там же. С. 331

точноазиатской проблематике и тем самым предотвратить формирование американо-японо-китайского треугольника (о котором писал еще в 2004 г. З.Бжезинский) регионального партнерства без участия России. В таком контексте разработка «большой Азиатско-Тихоокеанской стратегии» России становится настоящей необходимостью.